

Эмюс почти инстинктивно вскинул голову, и его темно-синие глаза устремились на звук.

В то же мгновение он столкнулся с парой смеющихся, но пугающе хищных темно-зеленых глаз.

Этот взгляд... в тусклом свете шахтного туннеля.

Властный, порочный, полный ленивой насмешки, словно он видел его насквозь, обнажая саму душу...

— !!

Тело Эмюса резко напряглось, и те жалкие остатки крови, что еще теплились на его красивом, холодном лице, вмиг испарились.

Его темно-синие зрачки сузились, но в них по-прежнему отчетливо отражалось лицо Се Ижания — резкое, пугающе прекрасное, ставшее для него настоящим кошмаром.

Это он...

Как это может быть он?!

Что он здесь делает?!

Эмюс не понимал, почему Се Ижань так открыто и без тени смущения признался в своих грехах.

Но, глядя на это лицо, полное издевки, он мог догадаться о многом.

Провокация, унижение, полное отсутствие желания притворяться...

Все те болезненные воспоминания, которые он пытался подавить и забыть, вместе с остаточным ароматом феромонов черного чая, в этот миг захлестнули его с новой силой.

Тем временем Сыкадило, наблюдавший за сценой, слегка приподнял подбородок, а его алые глаза сузились.

Он переводил взгляд с дерзкой усмешки Се Ижания на внезапно изменившееся лицо Эмюса.

После короткой паузы он снова уставился на Се Ижания.

— Ты самец?

Сыкадило издал тихий смешок, не скрывая того, как его глаза блуждают по темно-зеленым волосам собеседника, переходя на его стройные, сильные конечности и в конечном итоге останавливаясь на его пугающе красивом, агрессивном лице.

Стоило прозвучать слову самец, как Сыкадило, казалось, тут же выбросил из головы все недавние оскорбления Се Ижания.

— Ты самец?

Он снова прошептал это слово, словно пробуя его на вкус, перекатывая на языке, прежде чем произнести вслух.

— Как же я не знал, что в этой грязной тюрьме на планете Грейс прячется... ну, столь выдающийся господин?

В обществе расы жуков внешность самцов часто была связана с их уровнем: чем выше ранг, тем совершеннее облик. И внешность Се Ижания явно превосходила все стандарты обычных самцов.

— Хозяин, хозяин! Скорее! Отвечай так, как я говорю! — Система в голове Се Ижания отчаянно вопила. — Ваш номер С-3841! Скажите, что вы недавно завершили вторую дифференциацию, поэтому ваша внешность и феромоны сильно изменились, вот он вас и не узнал! На Грейс есть заключенные-самцы, их мало, и все они, э-э, совершили ужасные преступления, но это не важно! Статус самца — ваша лучшая защита! Быстрее! Иначе вас убьют током!

Когда Система умолкла, Се Ижаню показалось, что браслет-подавитель на его запястье коротко мигнул, напоминая о боли от удара током.

Се Ижань крайне недовольно цыкнул.

Быть объектом пристального внимания типа, явно замышляющего недоброе, да еще и играть по сценарию этой глупой Системы — ощущение было отвратительным.

Но, бросив взгляд на Эмюса, который стоял бледный как полотно, готовый вот-вот рассыпаться на куски, он почувствовал, как необъяснимое раздражение немного отступило.

Подавив гнев, он перенял манеру Сыкадило, лениво вздернул подбородок и ответил тоном, который звучал как заученная фраза:

— Номер С-3841, недавно прошел вторую дифференциацию, внешность изменилась, вопросы

есть?

Говоря это, он невольно скользнул взглядом по Эмюсу. Тот выглядел совсем разбитым.

Се Ижань машинально выпрямился и продолжил:

— Начальник тюрьмы... что-то не так?

В глазах Сыкадило промелькнул интерес. Он изящно развел руками, в его голосе зазвучала фальшивая забота:

— Нет, конечно, все в порядке.

Он сделал шаг ближе к Се Ижаню, но взгляд его был направлен на застывшую фигуру Эмюса.

— У таких господ, как вы... высокоранговых самцов, на Грейс всегда есть свои привилегии.

Сыкадило растягивал слова, насмехаясь.

— Однако в начале периода после второй дифференциации тело всегда немного слабое, нужно хорошо отдыхать и восполнять силы...

Он изменил тон, понизив голос так, чтобы каждое слово отчетливо слышали все присутствующие:

— ...И все же не стоит заниматься чем-то слишком активным, чтобы не навредить себе, не так ли?

Этот неприкрытый намек, полный злобы, снова ударил по больному месту Эмюса.

Даже Се Ижань невольно задался вопросом, что же между ними произошло, раз этот безумец готов раз за разом провоцировать и наносить удары исподтишка.

Темно-синие глаза Эмюса судорожно дернулись, челюсти сжались так сильно, что, казалось, был слышен скрип зубов.

В следующее мгновение, не в силах больше терпеть, он резко развернулся и быстрым шагом направился прочь, не желая ни на кого смотреть, стремясь лишь сбежать из этого удушающего места.

— Стоять.

Раздался внезапно похолодевший голос Се Ижания.

Но обращен он был не к Эмюсу, а к Сыкадило, который шагнул навстречу.

В его темно-зеленых глазах отразилось полное отвращение и презрение, прерывая тошнотворное представление начальника тюрьмы.

— Мои дела — это не твое собачье дело.

Се Ижань усмехнулся, его тон был вызывающе дерзким.

— Начальник тюрьмы, советую тебе, черт возьми, не лезть не в свое дело.

Затем, не устаивая даже взглядом помрачневшего Сыкадило, он проводил глазами шатающуюся фигуру Эмюса, почти растворившуюся в тенях, и едва заметно нахмурился.

— Хозяин! Хозяин! Почему вы снова ему грубите? Очки симпатии! Баллы! Наше задание! — отчаянно завывала Система.

Се Ижань цыкнул, пропуская слова мимо ушей. Болтовня начальника тюрьмы и Системы была куда более раздражающей, чем любой другой звук, который ему доводилось слышать.

Он отвел взгляд, сунул руки в карманы и, полностью проигнорировав Сыкадило, чье лицо менялось от гнева, не спеша зашагал следом за Эмюсом.

Сыкадило остался стоять на месте, провожая Се Ижания взглядом своих алых глаз.

Спустя мгновение, глядя ему вслед, он снова улыбнулся, и улыбка эта была гораздо глубже, чем прежде.

Эмюс бежал вперед, едва соображая, куда и зачем.

Сухой воздух царапал горло, причиняя резкую боль, но она была ничем по сравнению с тем ледяным унижением, что терзало его сердце.

Он не знал, куда бежать. В тюрьме Грейс не было настоящего убежища; любой уголок мог оказаться под прицелом Сыкадило.

Под прицелом того самца, который только что сорвал с него последние лохмотья достоинства.

Сцена, произошедшая только что, раз за разом прокручивалась в его сознании. Признание Се Ижана с его порочной усмешкой, злобные домыслы и насмешки Сыкадило — все это не давало покоя.

Он бежал, пока не влетел в тихий боковой коридор, где, наконец, не выдержав, остановился. Он уперся рукой в холодную влажную скальную породу, тяжело дыша.

Другой рукой он машинально коснулся все еще ноющей железы на затылке.

Казалось, там до сих пор остались следы грубого вторжения и болезненное, унижительное давление пальцев Сыкадило.

Он закрыл глаза, пытаясь унять сбивчивое дыхание, но тело продолжало мелко дрожать.

На холодном, бледном лице Эмюса не было выражения, лишь глаза непроизвольно наполнились невыносимым стыдом, создавая странный контраст с его ледяным спокойствием.

Он не знал, что делать.

И в этот момент...

Дзынь — дзынь — дзынь...

Глухой, громкий звук шахтного колокола внезапно разнесся по туннелям, подобно приговору, ударяя по сердцам заключенных.

Этот звук означал, что время смены подходит к концу, и если он не доберется до указанной шахты вовремя и не выполнит дневную норму, его ждет холодный разряд тока от надзирателя и наказание плетью.

Колокол подействовал как ушат ледяной воды, временно погасив бурю эмоций и оставив лишь глубокую усталость и оцепенение.

Можно сказать, он прозвучал вовремя.

Эмюс глубоко вздохнул, силой подавил все волнения в душе и поправил воротник своей измятой тюремной робы.

Лишь когда его темно-синие глаза снова превратились в неподвижную гладь мертвой воды, он

развернулся, собираясь идти к входу в шахту, куда его назначили сегодня.

Однако, как только он повернулся...

Прямо перед ним, без всякого предупреждения, возникло красивое, улыбающееся лицо.

<http://bllate.org/book/20053/1982458>